

И. Шмерлина

Заметки о российском учительстве в контексте национального проекта “Образование”

Учителя – очень взрослые люди. Их взрослость абсолютна и институциональна – они учат детей. Все общество по отношению к ним – это дети: сегодняшние, завтрашние, вчерашние; неслучайно даже родители слегка побаиваются учителей, испытывают по отношению к ним безотчетный “экзистенциальный” страх.

Социальная функция учителя ясна и определена, чего нельзя сказать о его положении в обществе и социальном характере. Он “воспитывает нацию”¹, но зависит от любого чиновника из роно. В этосе сегодняшнего российского учительства парадоксальным образом сочетаются психологическая взрослость наставника с социальной инфантильностью, а миссионерские амбиции – с чувством неполноценности и униженности. Социальная значимость педагога признается в обществе бесспорной, однако профессия – непрестижной. Он носит высокое звание “Учитель”, а в обыденной жизни его (в большинстве случаев – ее) часто зовут “училкой”.

* * *

Настоящий текст выполнен в жанре нестрогих размышлений по поводу строгих эмпирических данных. Его база – несколько масштабных социологических исследований, проведенных Фондом “Общественное мнение” в период с марта по ноябрь 2006 года². Для настоящей статьи мы взяли лишь один из возможных ракурсов анализа полученных данных, а именно – тот, который позволяет составить определенное представление об учителе как субъекте школьных преобразований.

¹ Выражение одного из педагогов – участников ярославской дискуссионной фокус-группы: “Мы нацию воспитываем”.

² В тексте используются данные (1) целевого исследования, которое включало опросы педагогов общеобразовательных учреждений и родственников школьников (родителей, бабушек и дедушек, других близких родственников) о ситуации в средней школе и ходе реализации национального проекта “Образование”, (четыре опросные волны: 18–29 марта, 14–26 июня, 19 сентября – 1 октября и 13–28 ноября; в ходе каждой волны исследования опрашивались 2800–2900 человек, из них 700–800 педагогов и 2000–2100 родственников школьников), а также дискуссионные фокус-группы с учителями, проводившиеся в 7 городах в марте, июне, сентябре и ноябре 2006 года; (2) ежемесячного общероссийского мониторинга, посвященного проблемам образования и ходу реализации национального проекта (опрос населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России, 1500 респондентов).

Национальный проект “Образование” и проблема субъекта преобразований школьного дела

Содержание национального проекта “Образование” – в той его части, которая имеет отношение к средней школе, – логически организовано вокруг двух основных идей. Первая состоит в том, чтобы оказать школам непосредственную материальную помощь в обеспечении учебного процесса. В соответствии с этой финансово и организационно подкрепленной интенцией школы оснащаются наглядными пособиями, оборудованием, компьютерами, идет подключение последних к интернету, на специальном сайте размещаются дистанционные образовательные программы, в сельские школы поступают автобусы.

Однако замысел национального проекта, как подчеркивают его разработчики, не сводится к тому, чтобы просто оказать школам материальную помощь.

Идея была более амбициозная – дать средней школе стимул к развитию: “Для страны, которая ориентируется на инновационный путь развития, жизненно важно дать системе образования стимул к движению вперед – это и есть первоочередная задача приоритетного национального проекта «Образование»”³.

Механизмами, призванными запустить модернизацию системы среднего образования, были избраны конкурсы лучших учителей и лучших школ. “...В рамках нацпроекта была однозначно сделана ставка на лидеров, на тех, кто способен на практике реализовывать системные изменения в системе образования”⁴.

Между тем в ходе наших исследований прозвучала глубоко пессимистичная точка зрения, согласно которой в современной российской школе нет субъекта преобразований, соответствующего замыслу национального проекта.

“...То есть получается, что программа нацелена, конечно, но только кто ее будет выполнять? Потому что активных, социально активных очень мало людей, которые действительно будут как-то стараться выполнять, следовать, продвигать” (ДФГ, Краснодар; 3-я волна).

“Мое отношение к проекту? Я считаю, что до тех пор, пока не будет людей, которые будут этот проект осуществлять (а их пока нет и в ближайшее время не будет), все это просто разговоры. То есть до тех пор, пока не будет учителей... <ни> о каких проектах речи быть не может. Сначала надо подготовить людей, которые будут двигать этот проект. Потому что можно укомплектовать школу сверхоборудованием, но там не будет человека, который будет двигать все это” (ДФГ, Краснодар; 3-я волна).

Впрочем, далеко не все педагоги согласятся с подобными заключениями. Учительская среда, оценивая самое себя, поддерживает два прямо противополо-

³ Зачем нужен масштабный национальный проект в образовании? // Материалы официального сайта Совета при президенте России по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. См.: <http://www.rost.ru/projects/education/ed1/ed11/aed11.shtml>.

⁴ Интернет-конференция министра образования и науки Российской Федерации А. Фурсенко. См.: <http://www.rost.ru/main/conference/i1.shtml>.

Генеральная идея национального проекта “Образование” состоит в том, чтобы дать средней школе стимул к движению вперед, запустить механизмы саморазвития и самокоррекции в сфере школьного образования

ложных мифа о современном российском учителе. Согласно первому, он фанат и подвижник, согласно второму – серая личность и неудачник.

“Я считаю, большинство у нас в школах все-таки работают – Профессионалы с большой буквы, люди, которые непосредственно учат детей” (ДФГ, Краснодар; 4-я волна).

“Тут вот портрет учителя давайте составим. Что такое портрет учителя? Это такая забитая серая мышка, все время бегаёт в школу, абсолютно ничего не требующая, за себя постоять не может, неудачник в жизни – вот это учитель” (ДФГ, Набережные Челны; 4-я волна).

“В школе они все практически – фанаты своего дела... Нет в школе таких людей, которые бы пришли годик перетусоваться. Все фанаты, все с головой в своей работе. И, как говорится, низкий нам всем поклон” (ДФГ, Набережные Челны; 4-я волна).

“В простонародье такая фраза идет, что в школе работают те, которым негде работать. Я считаю, что сейчас именно школа держится на профессиональных кадрах, которым вот 40 лет и чуть больше” (ДФГ, Екатеринбург; 2-я волна).

“Все кому не нужно – все сбежали уже!” (ДФГ, Владивосток; 3-я волна).

Впрочем, по мнению некоторых педагогов, в каждой из этих полярных точек зрения есть определенная доля жизненной правды.

“В школе остаются или энтузиасты, влюбленные в свою работу, – <или,> к сожалению, люди, которым некуда идти; или яркие личности со своими особенностями – или убогие, серые и неинтересные” (ДФГ, Архангельск; 4-я волна).

Если этот вывод справедлив, он свидетельствует о глубокой поляризации педагогического сообщества и вымывании из него среднего слоя “нормальных профессионалов” – тех, кто способен успешно реализоваться как в школьной педагогике, так и в других видах деятельности, но не готов работать на чистом энтузиазме. Неблагоприятная школьная среда удерживает либо тех, кто лишь к ней адаптирован и не рискует выйти в иные условия существования, либо фанатов, для которых школа стала делом всей жизни. Вторых, по всей видимости, меньше.

* * *

Социальная диагностика современного российского учительства – задача многомерная; в данном тексте она решается лишь на том конкретном материале, который был получен в ходе исследования реакции педагогов на национальный проект “Образование”. То, как преподаватели встретили этот проект – их интерес к нему или отсутствие такового, энтузиазм или безразличие, ожидания, удовлетворенность, претензии и пр., – свидетельствует о социально-психологических особенностях, установках и инновационном потенциале, присущем данной профессиональной группе.

Интерес педагогов к национальному проекту “Образование” и проблема их информированности

Первая информация о национальном проекте “Образование” появилась в конце 2005 года, когда глава государства объявил о четырех приоритетных целевых программах развития: в сфере здравоохранения, образования, сельского хозяйства и жилья.

К началу 2006 года относятся первые меры по реализации национального проекта “Образование”. В марте 2006 года был сделан исходный замер уровня информированности педагогов об этом проекте. Тогда о его существовании знали, по их словам, 59% работников образования, “что-то слышали” – 29%, каждый десятый впервые услышал о нем в ходе опроса – от интервьюера. Ко времени второго замера (июль 2006 года) показатели информированности несколько выросли, однако вплоть до последнего, ноябрьского, опроса они оставались довольно низкими: даже в ноябре пятая часть педагогов признавала свою осведомленность о национальном проекте весьма поверхностной (“что-то слышали”), а некоторые обнаруживали полное неведение (график 1).

Материалы групповых дискуссий позволяют предположить, что в действительности степень информированности педагогов о национальном проекте еще ниже, чем можно судить, исходя из количественных самооценок, полученных в ходе массового опроса. Так, даже на фокус-группах последней (ноябрьской) волны продолжали звучать реплики, свидетельствующие о том, что ряд педагогов имеют смутное, а порой и не совсем верное представление о содержании национального проекта:

“Мы не знаем, только общие идеи” (ДФГ, Екатеринбург; 4-я волна).

“Без подробностей... мы его цельный не читали. Я думаю, что наши директор и зам. по науке читали. Может быть, еще завуч по учебно-воспитательной <работе>... Тоже, может быть, вряд ли, потому что у них очень много текущей работы” (ДФГ, Екатеринбург; 4-я волна).

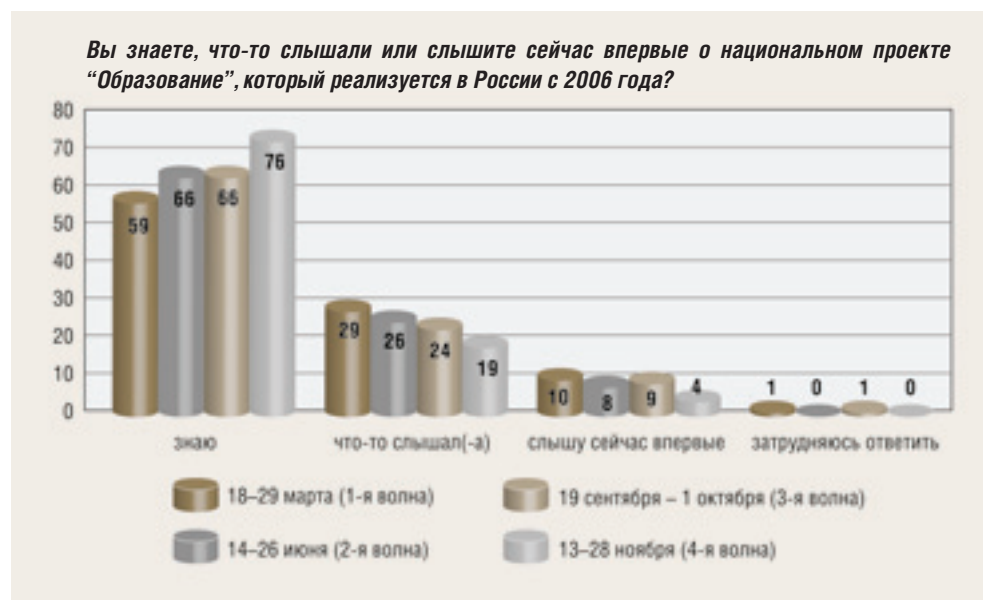

График 1. Осведомленность педагогов о национальном проекте “Образование” (% от числа опрошенных)

“Вот нынче проект «Образование» у нас. Я вот пришла – и я вижу, что работает и действует проект «Образование»... Вижу, что государство так или иначе пытается что-то сделать. В этом отношении я могу сказать, что действительно видно работу государства... Я могу сказать за себя: я молодой специалист; я получила в этом году 20 тысяч – подъемные... Раньше такого не было. Государство заботится” (ДФГ, Екатеринбург; 4-я волна)⁵.

Модератор: Скажите, пожалуйста, слышали ли вы что-нибудь о национальном проекте в сфере образования?

Все: Конечно!

Модератор: Все слышали. А что именно вы слышали?

1-й участник: Ну, наверное, какие программы. Точно недавно слышали, действительно, недавно была передача, да. Говорили, что десятые и одиннадцатые классы должны быть профильные, – и я двумя руками за, но вот абсолютно не уверена, что это будет именно так. То есть чтоб перейти на профильное обучение, надо столько пудов соли съесть! Ну, вверху придумывают что-то – а внизу кадров нет. Я думаю, что кадров нет, чтоб ввести профильное обучение...⁶

Модератор: Сергей, Вам что-нибудь известно о национальном проекте в сфере образования?

2-й участник: К сожалению, в этом плане я мало что знаю.

3-й участник: ...Национальный проект направлен на улучшение положения с образованием учащихся – это одна сторона, и вторая сторона – это улучшение положения учителя. Насколько я понимаю, это на уровне общих фраз, расшифровки особой не звучит. Звучит фраза: программа – вот она программа, и какие-то выборочно... Вот полного представления мы не имеем. Вот это все, что хотели, наверное, сказать мы все... Национальный проект предполагает новые программы и новые предметы. Там вообще разговор идет о том, что какие-то включить, а какие-то выключить, и почасовая система. Какого-то цельного представления нет.

4-й участник: ...Я как учитель технологии – это нас тоже затронуло. У нас сейчас большое сокращение часов. За счет того что технология в восьмых классах – один час, а в девятой она вообще исключается, как коррективный курс остается. Десятый, одиннадцатый – там уже как профиль.

Модератор: Это согласно национальному проекту?

4-й участник: Да⁷.

Модератор: А что еще?

4-й участник: Ну что...

5-й участник: Я еще слышала, что там компьютеризация школ.

Несмотря на то что национальный проект “Образование” реализуется с начала 2006 года, даже в ноябре 2006 года у ряда педагогов было смутное, а порой и не совсем верное представление о содержании данного проекта

⁵ Подъемные, о которых говорит участница фокус-группы, не имеют отношения к национальному проекту “Образование”.

⁶ Программа профильного обучения не входит в содержание национального проекта “Образование”.

⁷ Национальный проект не затрагивает непосредственным образом содержание учебного процесса и соответственно не предполагает ни качественных, ни количественных преобразований в школьной программе.

3-й участник: *Библиотеки, оснащение библиотек*⁸.

6-й участник: *Я тоже слышала про программу. В общем, слышали, что есть такой национальный проект, а вот нет такого... нет образа – что это такое конкретно. Тут чуть-чуть и тут...*” (ДФГ, Архангельск; 4-я волна).

Впрочем, об отдельных направлениях проекта знают (и знали, судя по данным прошлых опросов) подавляющее большинство респондентов. Это свидетельствует о том, что для многих педагогов конкретные преобразования в школьном деле не ассоциируются с масштабной государственной программой совершенствования системы образования. Показательны в этом отношении реплики некоторых участников дискуссионных фокус-групп.

“Само название на слуху, но вот конкретно... Может, какие-то конкретные меры мы и знаем, но мы не знаем, что оно является частью проекта или нет, то есть можем не связывать просто” (учитель истории, 28 лет, Ярославль; 3-я волна).

“А может, мы их знаем, но просто не знаем, что это вот направление” (учительница математики, 47 лет, Екатеринбург; 4-я волна).

Наибольший резонанс в педагогической среде получили доплаты за классное руководство: об этом направлении нацпроекта уже в марте 2006 года знали, по их словам, 94% педагогов. Это единственное направление, которое сразу и непосредственно затронуло основную массу российских учителей, и именно о нем они имеют достаточно отчетливое представление.

Все остальные направления национального проекта были восприняты педагогами более отстраненно и не столь заинтересованно. Так, при обсуждении итогов прошедшего конкурса лучших школ на сентябрьских фокус-группах педагоги продемонстрировали низкую осведомленность об условиях данного соревнования и явное отсутствие желания разбираться в его деталях. Показательна реакция на вопрос модератора, знают ли участники фокус-группы об этом направлении, – *замешательство*. О том, что учителя плохо представляют себе содержание

конкурса, свидетельствуют и их конкретные реплики. *“Я, например, не могу на этот вопрос конкретно Вам ответить”*, – говорит 58-летний учитель географии из Краснодара⁹.

По заявлению одного педагога из Архангельска, *“руководство школы скрывает ...<информацию> от учителей. Я только по телевизору узнаю”*. Впрочем, другая участница дискуссии в ответ на это резонно замечает:

“Документы опубликованы, они не таятся ни от кого. Если есть желание – приходите, почитайте. Все это опубликовано. Даже если не доводят, то собственный интерес вас выведет к этим источникам” (ДФГ, Архангельск).

⁸ В национальном проекте нет направления, в котором бы напрямую формулировалась задача оснащения школьных библиотек.

⁹ Здесь и далее по умолчанию приводятся материалы фокус-групп 3-й волны. Другие случаи специально оговариваются.

Наибольший резонанс в педагогической среде получили доплаты за классное руководство. Это единственное направление национального проекта, которое сразу и непосредственно затронуло основную массу российских учителей, и именно о нем они имеют достаточно отчетливое и полное представление

Показательно, что в тех школах, где педколлектив обсуждал вопрос об участии в конкурсе, подобное обсуждение инициировалось дирекцией школы или вышестоящими органами.

“Не обсудить невозможно было, потому что это свыше было – телефонограмма: обсудить, сделать стенд по национальному проекту. Это нас контролировали сверху. Не обсудить нельзя было” (ДФГ, Омск).

“Директор ознакомила нас, положения всем приходили напечатанные. Ну, как бы, и на наше усмотрение. Мы сразу отказались” (ДФГ, Омск).

Многие участники обсуждения, по их словам, только предполагают, каковы конкретный механизм и критерии отбора лучших школ, причем порой их предположения выглядят как весьма произвольная интерпретация положений, утвержденных соответствующим приказом Минобрнауки¹⁰.

“Модератор: Каковы критерии отбора лучших школ? Кто-нибудь знает, может нам об этом рассказать?”

1-й участник: Педагогическим коллективам это неизвестно, это знает только администрация, дирекция школ.

2-й участник: Я знаю, что там даже сантиметры учитываются, например, расстояние между партами должно быть не меньше какого-то минимума. Там сантиметрами все измеряют, даже расстояние до доски. <...>

3-й участник: Там еще, по-моему, есть требования, чтобы было два медицинских кабинета, плюс еще кабинет дантиста. Чтобы столовая соответствовала, чтобы компьютерный класс был, чтобы к интернету были подключены.

4-й участник: Должно быть не меньше двух спортивных залов, спортивные площадки оснащенные.

5-й участник: Я думаю, что доски должны быть определенного уровня, не такие, на которых по старинке мелом пишут.

1-й участник: Там парты должны быть особые, чтобы по росту ребенка подходили и чтобы крышка под углом была.

Модератор: То есть учитываются физические характеристики учебного здания и оснащение оборудованием. Но это же, как я понимаю, не все критерии отбора лучших школ. А еще по каким критериям проходит отбор?

5-й участник: Может быть, качественный состав учителей, количество методистов, ведущих учителей...” (ДФГ, Казань).

¹⁰ Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации № 46 от 7 марта 2006 года “Об утверждении порядка и критериев конкурсного отбора общеобразовательных учреждений субъектов Российской Федерации и муниципальных общеобразовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы”. См.: http://www.rost.ru/education/education_doc_9.doc.

Значительную массу учителей не интересует, что происходит за стенами их кабинетов даже в пределах собственной школы, тем более – в других школах города

Слабое представление о подробностях конкурсного отбора не мешало некоторым педагогам резко отрицательно высказываться по поводу самого конкурса. Так, 48-летний учитель истории из Краснодара, по его словам, данным направлением “не занимался”, но тем не менее считает, что критерии отбора лучших школ

“необоснованны”. Примечательно, что школа, в которой работает этот педагог, принимала участие в конкурсе, но оказалась в числе проигравших. Впрочем, причины неудачи у него также не вызвали интереса: “Я даже не в курсе, я не влезал в эту кухню. Я думаю, что там какой-то административный фактор”.

В целом из материалов групповых дискуссий создается впечатление, что основную массу учителей не интересует, что происходит за стенами их кабинетов даже в пределах собственной школы, тем более – в других школах города.

“Модератор: ...Вам известно о каких-либо школах-победителях?”

1-я участница: Нет.

2-я участница: Честно говоря, у нас это не обсуждается” (ДФГ, Архангельск).

“<О школах-победителях слышала> только по радио, и то мимо ушей пропустила. Ну, чего, они сами по себе – мы сами... У них свой мир – у меня свой” (учительница истории и обществознания, 53 года, Омск).

По данным массового опроса¹¹, около трети педагогов (36%) имеют, по их словам, представление о содержании инновационных программ, внедряющихся в других школах (чаще всего такой ответ давали директора и завучи школ – 64%), еще столько же – “что-то слышали” о них. Лишь каждый пятый педагог (21%) признавался, что ничего не слышал об инновационных программах других школ, 7% затруднились с ответом.

Материалы фокус-групп не подтверждают эти данные и заставляют предположить, что участники массового опроса не раскрывают истинного положения вещей. Ни один из участников дискуссий, проходивших в семи крупных российских городах, не смог назвать ни одну конкретную инновационную программу, которая реализуется в тех школах его города, что победили в конкурсе. В лучшем случае участники говорили об общей репутации школ-победительниц, их предметном уклоне, техническом обеспечении и бытовой обустроенности.

“О программах я не знаю. Это уже знают предметники, наверное, – говорит учитель географии. – ...47-я школа – это школа хорошая, сильная, это уже школа со старыми традициями, школа такая с большой наполняемостью классов... Значит, там сильный коллектив, сильные там, наверное, требования. Может, свои программы там у многих преподавателей есть. Я конкретно сказать сейчас не могу” (ДФГ, Краснодар).

“1-я участница: Про 45-ю школу скажу, про библиотеку: отличная библиотека! Можно сказать – библиотечный центр, информационный и методический. У них оснащенность очень хорошая. В этом плане они молодцы. Имеется и мультимедиа, и техника, и компьютер, и сканер, и ксерокс. Если по библиотеке судить, то это заслуженно. Оснащенность у них очень хорошая. Специалисты работают хорошие и много делают. Там – без сомнения...”

¹¹ Данные 3-й волны исследования.

2-я участница: *Была в этой школе по своим делам – все красиво, чисто. Идеальный порядок внешне*” (ДФГ, Архангельск).

“1-й участник: *Ну, например, дети учатся в гимназии № 1... – с 8-го класса у них уже выделяют профилирующие предметы... Ну и, конечно, там хорошая информатика... компьютерные классы. В общем, материальная база. По-моему, это вообще одна из лучших школ в городе!*”

2-й участник: *Зеркальный зал там...*

1-й участник: *Да, там... евроремонт и прочее, и прочее...*” (ДФГ, Владивосток).

Безразличие значительной массы учителей к конкурсу общеобразовательных учреждений превращает конкурс в программу адресных поощрений, но отнюдь не в систему распространения передового опыта. На сегодня кажется очевидным, что гипотетически заложенный в него механизм стимулирования не срабатывает, и конкурс лучших школ ведет не столько к повышению уровня среднего образования в стране, сколько к дальнейшей дифференциации общеобразовательных учреждений.

“...получается, что здесь перекосят в каком плане: сильная школа, которая и так имела возможности, получает дополнительный грант, слабая школа, которая таких возможностей не имела, и гранта не получает, и перспектив участвовать в этом не имеет. Так вот именно этот вопрос задавался министру образования. Ответ министра образования был на это следующим: что якобы это один из этапов возможности распространить технологии и новшества в сильных школах на слабые школы. То есть поддержка вот этими грантами сильных школ якобы каким-то образом повлияет на то, что эти технологии распространятся и на слабые школы. Но, на мой взгляд, это несколько такое... <утопическое предположение>” (ДФГ, Екатеринбург, 4-я волна).

Другое направление – материальное поощрение лучших учителей – также было воспринято педагогами критически. Казалось бы, при нынешних учительских зарплатах перспектива получить стотысячную премию должна оказывать стимулирующее воздействие. Между тем, этого не происходит.

“1-я участница: *...Мне кажется, что он никого не стимулирует, совершенно не стимулирует.*”

2-я участница: *Абсолютно не стимулирует*” (ДФГ, Казань).

Ссылаясь на большое количество бумаг, которые требуются для того, чтобы подтвердить правомерность своих притязаний на большую премию, педагог заявляет:

“Там сто тысяч условий – и сто тысяч рублей не стоят этого” (ДФГ, Казань).

Свидетельством того, что конкурс проходит мимо значительной части учителей, не вдохновляя их на профессиональный рост и педагогические достижения, является низкая осведомленность о нем педагогов. Характерно, что в ответах на вопрос модератора, известно ли участникам данное направление национального проекта, на трех фокус-группах из семи педагоги начинали говорить не на тему – например, о конкурсе “учитель года” или о поощрении учителей, состоящих в профсоюзе.

“Члены профсоюза получают премию, а не члены профсоюза видят ноль... Да, да. Это выдвинуто именно профсоюзами – что профсоюзы

Безразличие значительной массы учителей к конкурсу общеобразовательных учреждений превращает его в программу адресных поощрений, но отнюдь не в систему распространения передового опыта

заботятся о повышении нашей зарплаты, что все 10–20% <повышения зарплаты> якобы добыты именно работниками профсоюзов... И для тех, кто поддерживает профсоюз, они выделяют средства. Ко Дню учителя выделены такие средства – но только тем, кто состоит в профсоюзе... Кто не профсоюз – не получит” (ДФГ, Екатеринбург).

Многие участники признавались в незнании критериев, в соответствии с которыми лучшим учителям выделяются премии.

“1-й участник: В целом критерии остаются темной стороной. Потому что трудно сказать, и многие из нас остаются в неведении.

2-й участник: Мы из разных школ, но не знаем критериев. Мы не информированы” (ДФГ, Архангельск).

Пути решения проблемы информирования педагогов о национальном проекте “Образование”

По мнению министра образования А. Фурсенко, информационное освещение проекта – одно из слабых мест в его реализации: “А что надо делать по-другому – я думаю, что мы должны улучшать вопросы информационного обеспечения системы образования и нацпроекта...”¹².

Большинство педагогов согласятся с этим утверждением. Учителя, принимавшие участие в фокус-группах, практически единодушны в том, что сведений о национальном проекте слишком мало. Чем больше источников информирования о проекте будет задействовано, тем, как полагают педагоги, лучше.

“Газеты, радио, телевидение, то есть чем больше источников, тем лучше!” (ДФГ, Владивосток, 3-я волна).

Между тем материалы групповых дискуссий позволяют утверждать, что фактически существует не столько проблема количества и качества доступной информации о проекте, сколько проблема осведомленности о нем

учителей. Это несколько разные вещи – что, впрочем, не совсем очевидно для педагогов.

“1-й участник: Слишком мало <информации>.

Модератор: Почему?

2-й участник: Если учителя не знают об этом” (ДФГ, Архангельск, 3-я волна).

Групповые дискуссии выявили весьма характерную для учителей установку на пассивное ожидание целевого, директивно оформленного информирования педколлективов о национальном проекте “Образование”. Заметим, что в ходе массового опроса половина педагогов (53%) назвали в качестве одного из наиболее важных для себя источников информации о национальном проекте собрания по месту работы (данные 3-

й волны). Если учесть, что, судя по репликам участников групповых дискуссий, подобные собрания проводятся далеко не во всех школах, а у части педагогов вообще сложилось впечатление, что руководство скрывает от них информацию о нацпроекте, то ситуация приобретает несколько тупиковый характер.

¹² Интернет-конференция министра образования и науки Российской Федерации А. Фурсенко. См.: <http://www.rost.ru/main/conference/i1.shtml>.

Сегодня кажется очевидным, что гипотетически заложенный в нацпроект механизм стимулирования не срабатывает, и конкурс лучших школ ведет не столько к повышению уровня среднего образования в стране, сколько к дальнейшей дифференциации общеобразовательных учреждений

“...ничего у нас никто не сообщал, ничего по этому поводу не проводили, до нашего сведения не доводили. Пойти литературу купить за 100 рублей, которые нам в месяц платят, как-то у меня не было желания” (ДФГ, Краснодар¹³).

“Общенациональный проект – а нас никто не собрал, никто ничего не рассказал” (ДФГ, Казань).

“По большому счету, с национальным проектом никто никого в школе не знакомит” (ДФГ, Екатеринбург).

“..А так про общенациональный проект нигде не печаталось, не обнародовалось, нигде нас на педсовет не собирали, ничего не говорилось” (ДФГ, Казань).

“Как такового ничего нам не рассказывают, чтоб мы никуда не лезли, ничего нигде не разносили. И чтоб гранпри, которое, возможно, будет легко и просто получить, – чтоб тоже такого не было. Потом какие-нибудь короткие сроки скажут: вот знаете, вот это, это быстренько собрали... Может быть, тогда что-нибудь и будет” (ДФГ, Екатеринбург).

Основной источник информации о нацпроекте для педагогов – передачи центрального телевидения (в ходе 3-й волны исследования об этом сказали 67% опрошенных). Однако эти передачи в большинстве своем носят общеинформационный характер и не нацелены на детальное прояснение содержания и механизмов реализации отдельных направлений проекта. Примечательно, что, по данным того же опроса, лишь пятая часть педагогов (22%) пользуются в качестве источника информации о проекте профессиональными газетами и журналами (среди директоров и завучей школ – 28%), один из каждых десяти – специальными брошюрами о национальном проекте “Образование” (среди директоров и завучей школ – 31%), всего 4% педагогов используют для этих целей возможности интернета (директора и завучи школ называют этот информационный канал в 15% случаев).

Разумеется, есть педагоги, которые хорошо разбираются в деталях проекта. Однако в целом создается впечатление самоотстраненности рядового учителя от данной темы. И вряд ли причины кроются в дефиците информационных источников. В этом отношении примечательно признание одной из участниц ДФГ о своем опыте знакомства с проектом.

“Я даже держала в руках газету, но прочитать... Что-то, я уже не помню что, меня отвлекло...” (ДФГ, Краснодар).

Высказывания, свидетельствующие о типичности подобной позиции, звучали и на других фокус-группах.

“...она [информация] доходит, но лень читать, потому что ее там слишком много, времени, которое есть чем другим занять...” (ДФГ, Екатеринбург).

Заметим, что реплика “лень читать...” принадлежит молодой учительнице, преподающей в школе историю и обществознание, – предмет, в значительной степени отвечающий за формирование мировоззрения и гражданской позиции подростков.

Для российских учителей характерна установка на пассивное ожидание целевого, директивно оформленного информирования педколлективов о национальном проекте “Образование”

¹³ Здесь и далее по умолчанию приводятся материалы фокус-групп 3-й волны.

Недостаточная осведомленность о проекте не мешала некоторым участникам групповых дискуссий делать общие утверждения оценочного характера.

“<Знаю только> то, что он [национальный проект] есть, что он существует. А что по нему делается – я считаю, это один процент из ста – все, что по нему делается... Ничего по нему не делается” (ДФГ, Краснодар).

Достаточно типичной является стратегия, когда свое незнание и нежелание проявлять инициативу участники обсуждения выражают в агрессивно-демагогической форме. Так, 65-летний преподаватель истории из Казани вместо ответа на вопрос модератора о том, что именно участникам известно о национальном проекте, восклицает:

“Что Вы нас пытаете про национальный проект? Если дети не хотят быть похожими на нас, если мы, учителя, нищие, то о каком национальном проекте можно говорить? Пока не поднимут учителя... Еще ведь Ленин с 20-х годов поднимал учителя на недосягаемую высоту – и вот, подняли сейчас. Самая бедная, самая нищая – интеллигенция в Российской Федерации. Врачам, и то сейчас подняли немного, потом у них подарки, подношения.... Детьми занимаемся только мы, учителя, а мы на свою нищенскую зарплату... стараемся еще где-то подработать, стараемся часов побольше взять. А когда у меня 35 часов – какой я учитель? ...Название мы знали, а о сути этого проекта нам никто и никогда не рассказывал. Если Вы назовете газету, месяц, число, когда это публиковалось, то мы прочитаем. Для нас сейчас это пустая фраза – национальный проект об образовании. Для нас сейчас эта фраза содержанием не наполнена” (ДФГ, Казань).

Возможно, подобная позиция отчасти действительно объясняется большой загруженностью учителей, невозможностью оторваться от текучки и подумать о тех перспективах, которые открывает проект лично для них и системы школьного образования в целом.

“Очень много работы, которую нельзя отложить ни на завтра, ни на послезавтра. Урок завтра – значит, ты обязан к нему подготовиться” (ДФГ, Екатеринбург).

Однако в целом материалы групповых обсуждений дают основание для вывода о некоей социальной беспомощности и инфантилизме значительной части учительства, о пассивном ожидании благ “сверху”, нежелании проявлять инициативу даже для простого ознакомления с существующими возможностями. По-видимому, простое усиление информационного давления на учителей не сможет переломить сложившуюся ситуацию. В этом отношении весьма точным является резюме молодой учительницы истории и обществознания из Екатеринбурга, которая рассказывала о том, как в их школе специалисты из роно проводили информационно-пропагандистскую работу.

“...гранты для школ, для учителей лучших. Ну, рассказывали об этом, напротив, даже стимулировали нашу активность. Но почему-то как-то все, видимо, по привычке... никто не захотел этим заниматься” (ДФГ, Екатеринбург).

Учителя не только не проявляют инициативы в поиске информации о проекте, но зачастую даже пропускают мимо ушей те сведения, которые попадают в их информационное поле. Вот еще один характерный фрагмент обсуждения.

“Все участники: Нет, не хватает <информации>.”

1-й участник: Ни разу коллектив не собирался, об этом не говорили.

2-й участник: Никто не приезжал, никто не выступал. <...>

3-й участник: Я вспоминаю... кажется, у нас и было какое-то собрание, точно не помню” (ДФГ, Казань).

Существует, таким образом, проблема поиска таких способов пропаганды национального проекта, которые бы довели его до целевого потребителя. Педагоги высказали на этот счет чрезвычайно широкий спектр предложений: от телевизионной рекламы, в которой вместо “ужастиков” и памперсов рекламировался бы нацпроект, до специального выступления В. Путина, которое содержало бы необходимые для учителей разъяснения.

“Не рекламу про памперсы, извините, а про проект мне пусть рекламу сделают” (ДФГ, Краснодар).

“Опять же Путин непосредственно должен рассказать о нем более подробно” (ДФГ, Краснодар).

Многим педагогам кажется очевидным, что информация о национальном проекте должна “спускаться” к ним административно-целевым порядком. Некоторые предлагали наказывать администраторов школ за недоработки в деле информирования учителей.

“Ну, может быть, чтобы по коллективам ходили товарищи и просвещали нас” (ДФГ, Омск).

“1-я участница: Ну, читать действительно бывает часто нет времени, поэтому, может быть, действительно на совещании, вот как рассказывали. <...>

2-я участница: Пришли бы, рассказали...”

3-я участница: Самую суть взять из этого, то, что непосредственно каждого касается, самую суть – и рассказать об этом как можно короче.

Модератор: А кто это должен рассказать?

3-я участница: Ну, наверно, завуч по науке, я так думаю, которому вот эти вот термины – легко и просто усвояемые... Который может перевести на нормальный язык, всем понятный. И о нем рассказать” (ДФГ, Екатеринбург).

“Если потребовать с администрации отчеты, например, как мы перед ними отчитываемся за методическую работу. Администрация отчитывается, что она сделала в рамках национального проекта: например, пособие купила, с учителем поговорила, чтобы она премию выбила, все

доводила до сведения рядового учителя. Должен быть спрос с администрации. Мне так кажется, да” (ДФГ, Ярославль).

“Вот даже такой социологический опрос провести, прийти в школу на педагогический совет – и провести в школе совет. Задавайте вопросы администраторам, как доводится информация, что сделано, – и записывайте на магнитофон. И возьмите пять или десять школ – и все будет прекрасно! Потом все втык получают – зато будет правильно” (ДФГ, Ярославль).

Последние из приведенных высказываний особенно примечательны. Для многих учителей кажется очевидным, что ответственность за реализацию нацио-

Для многих учителей кажется очевидным, что ответственность за реализацию нацпроекта лежит на администрации школ. Подобное представление выглядит вполне логичным, если воспринимать данный проект не как программу преобразований, обращенную непосредственно к учителям, а как бюрократическое начинание – и именно так воспринимают его большинство педагогов

нального проекта “Образование” лежит на администрации школ, – именно эта официальная инстанция выступает, по мнению педагогов, субъектом реализации намеченного. Подобное представление выглядит вполне логичным, если воспринимать нацпроект не как программу преобразований, обращенную непосредственно к учителям, а как бюрократическое начинание – и именно так воспринимают его большинство педагогов.

Многие учителя требовали, чтобы им рассказали о проекте “на простом, доступном языке”. Так, завуч из Екатеринбурга, учительница русского языка, литературы и истории, говорила, что хотела бы узнать о проекте поподробнее, но “с приложением толкового словаря”.

“С приложением толкового словаря, потому что некоторые пункты так обозначены, такими нововведениями, новыми словами, и темы там некоторых выступлений, что сначала надо к толковому словарю обратиться. Перевести это все на русский язык... И потом уже начинать о чем-то пони-

мать. Потому что первый раз читаешь – ты вообще ничего не понимаешь, как на иностранном языке” (ДФГ, Екатеринбург).

“В обычном толковом не найти”, – вторит ей коллега.

В числе доступных форм просвещения учителей назывались видеофильмы, учебные игры, мастер-классы, популярные стенды в общественных местах.

“Вообще очень мало, конечно, <информации>. Например, в поликлинику я могу прийти и конкретно, стоя в очереди, от безделья могу почитать на стене, конкретно все расписано: «Программа “Здравоохранение”». И расписано конкретно: кто, чего, кого, на каком уровне кто что делает. Для нас конкретно все написано, хотя бы так можно ознакомиться. Если бы какой-то видеофильм создали, например, и какой-то один день вместо уроков, например, посадили часть школы – показали. Родители – кто захотел, пришел тоже. Собираются же школьные родительские собрания – так почему бы не собрать по такому поводу школьное родительское собрание или учеников после уроков?” (ДФГ, Краснодар).

“1-я участница: ...Это [информация о национальном проекте] интересно, но мы все равно будем заниматься своими делами... Почему мы идем заниматься своими делами? Потому что у нас мало информации, мы об этом не знаем.

Модератор: *А хотелось бы узнать?*

1-я участница: *Да, естественно хотелось бы.*

Модератор: *Откуда?*

1-я участница: *Ну, вот мне бы хотелось, чтобы мне пришли и рассказали об этом на совещании. Чтобы это было целенаправленно... Или из роно, или завуч, или еще кто-то должен доступно донести до учителя суть вот этого всего.<...>*

2-я участница: *Но только не скучным языком. Если она придет, этот методист, которая опять будет этими красивыми словами оперировать.*

1-я участница: *Чтобы она доступно показала.*

2-я участница: *Вот, например, этот параметр – и она обыграла бы это. Как мы детям рассказываем про то, что нельзя ни потрогать, ни понюхать, ни пощупать. Вот тогда да. Я это все могу, я все это сделаю. И тогда я буду работать.<...>*

3-я участница: *Пусть даст мастер-класс – как это делается, как достигаются такие высоты, как получить 100 тысяч” (ДФГ, Екатеринбург).*

“Информация-то есть, но она как-то так однобоко направлена... Практически... хотя бы концепцию, основные положения, основные направления. Потом – на какой срок это рассчитано, что конкретно предполагается делать. То есть как-то вот полностью все, но как-то не то, что вот пишется в газетах, например, что очень трудно понять, а в виде схемы, наглядно, зрительно, что то, то, то, то здесь, здесь, здесь, здесь. И нормальным языком человеческим. Потому что вот этот официальный казенный язык – иногда три раза читаешь, чтобы вникнуть в смысл... Если бы вот кто-то создал фильм, какой-то конкретный видеofilm, такое, что было бы интересно посмотреть, на простом, доступном языке. Для всех, и для нас, учителей, тоже” (ДФГ, Краснодар).

Впрочем, некоторые педагоги говорили, что они в состоянии сами разобраться в материалах национального проекта и сделать выводы о его содержании.

“...мне бы хватило информационных бюллетеней на федеральном или региональном уровне. Я в состоянии прочитать и сама сделать выводы” (ДФГ, Омск).

Заметим, что идея информационных бюллетеней достаточно полно реализована на официальном сайте Совета при президенте России по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике (<http://www.rost.ru>), который содержит как комплекс базовых документов и разъясняющих материалов о национальных проектах, так и последние новости о ходе их реализации.

Рассмотренные выше материалы исследования дают основания предполагать, что делать сегодня ставку на учителя, видя в нем субъекта преобразования школьного дела, малоперспективно. Как по объективным, так и по субъективным причинам он живет в достаточно вязкой среде, оказывающей ощутимое сопротивление неорганичным для нее инновациям. ■

(Окончание в следующем номере)

Делать сегодня ставку на учителя, видя в нем субъекта преобразования школьного дела, малоперспективно. Как по объективным, так и по субъективным причинам он живет в достаточно вязкой среде, оказывающей ощутимое сопротивление неорганичным для нее инновациям